

История Российской социологии
Брохин Александр Владимирович
Студент

Пермский Гуманитарно-Технологический Институт, Гуманитарный факультет, Пермь, Россия
Zan-b@yandex.ru

Словосочетание "история российской социологии" даже и сегодня наверняка вызовет у кого — то сомнения. Ведь мы привыкли: социология — конечно же, только в Европе и США. Это — О. Конт, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Т. Парсонс и т. д. А в России?

И все же российская социология как мощное течение общественной мысли была и оставила после себя богатейшее наследие, которое только в последние годы стало входить в научный оборот.

Однако нельзя быть образованным человеком, не зная истории духовной культуры своего отечества. Истина, конечно, тривиальная, но напомнить ее все же стоит. К тому же социологическая наука — всегда дитя своего времени. Изучение истории социологии имеет не просто исторический интерес, это и изучение истории самого общества через модели его самопознания. И тем более это важно для понимания сегодняшних реалий.

Говоря о "российской социологии", мы имеем в виду Россию не столько как географическое, сколько как историческое, социокультурное понятие, некое социокультурное единство. Речь идет о социологии, как она развивалась на российской почве во второй половине XIX— первой четверти XX в. в качестве ответа на потребности страны, представляющей собою особый цивилизационно — культурный ареал.

Чаще всего история социологии излагается на основе двух вариантов: анализ взглядов различных теоретиков либо анализ направлений или традиций. Но проблема в том, что те или иные идеи обычно выдвигаются теоретиком в рамках определенной традиции (парадигмы). С другой стороны, сам социолог, выдвинув определенную концепцию, может стать "традицией", "школой". Поэтому мы попытались наложить друг на друга оба подхода, а именно раскрыть традиции через изложение позиций теоретиков, которые сами же эти традиции и создавали. Полагаю, что это особенно важно для истории российской социологии, где за исторически короткий промежуток времени в той или иной форме проявились все ключевые социологические традиции.

Что касается другой проблемы, то она конкретизируется серией вопросов: с какой даты начинается социология? кого можно считать ее основателями? какое при этом определение социологии применять в качестве операционального? И именно поэтому в пособии, к тому же посвященном теоретической социологии, мы не можем обойти молчанием социально— философские подходы ряда мыслителей. Так, мы подробно останавливаемся на социальных концепциях религиозных философов, Декларативно антисоциологичных, но на самом деле, как показывает последующая история, закладывавших основы современной социологии.

Отмеченные черты и особенности российской общественной мысли показывают, что ключевое положение в ней занимает *проблема человека*, она внутренне антропологична. Отсюда популярность идеи "нового человека", опасность которой была осознана слишком поздно. Отсюда же тенденция этизации социологии, вплоть до полного отождествления этического и социологического рассмотрения общества.

Литература

1. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Вопросы философии. — 1990. — № 1. — С. 77-144; № 2. — С. 87-154.
2. Бочкарева В. И. Становление социологии в России: основные направления ее развития // Соц.—полит, журнал. — 1993. — № 1/2. — С. 38-44.
3. Голосенко И. А. Социология в дореволюционной России (научно-исследовательские аспекты) // философские науки. — 1988. — № 1. — С. 48-56.
4. Гусакова Т. Ф. Проблемы методологии и методики историко—философского познания в "Русской социологии" Ю. Геккера // Методология и методика преподавания истории философии. — Свердловск, 1982. — С. 72-82.
5. Давыдов Ю. Н. Эволюция теоретической социологии XX века // Социологические исследования. — 1995. — №8. — С. 53-59.
6. Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. — М., 1989. —• 654 с.
7. Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. — СПб., 1897. — 418 с.
8. Кареев Н. И. Основы русской социологии. — СПб., 1996. — 368 с.
9. Кукушкина Е. И. Социологическое образование в России XIX- начала XX в. — М., — 1994. — 80 с.
10. Новиков Н. В. Исходные парадигмы русской социологии // Свободная мысль. — 1993. — № 6. — С. 55-67.
11. Новиков Н. В. Условия возникновения и развития социологии в России // Российская социология: Межвузовский сборник. — СПб., 1993. — С. 6-19.
12. Китаев В. А. Кавелин К. Д.: между славянофильством и западничеством // В раздумьях о России (XIX век). — М., 1996. — С. 243-271.
13. Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. В2 т. Т. 1. — М., 1991. — С. 320-440.
14. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Там же. — С. 523— 538.

Проблематика «счастья» как объект исследования в дореволюционной российской социологии¹

Демьяненко Николай Валерьевич

*Социологический институт Российской Академии Наук, г. Санкт-Петербург
старший научный сотрудник, кандидат социологических наук*

E – mail: Demyanenko1@rambler.ru

¹ Тезисы доклада основаны на материалах исследований, проведенных в рамках гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект № 07-03-00475а).

Проблематика «счастья» в отечественной социологии развернулась вокруг вышедших в 1892 году двух томов «Оснований этики» Г. Спенсера, английского позитивиста, пытавшегося с научной позиции раскрыть категорию «счастья». Задача этики, по мнению Спенсера, состояла в том, чтобы вывести из законов жизни правила, по которым стало бы возможно определить, какие виды индивидуального поведения стремятся к счастью, а какие нет. С научной точки зрения, этика - это наука, о поведении людей, разнообразные деятельности которых доставляют удовольствие во всех проявлениях, если они соответствуют норме. Этика, то есть наука о хорошем и плохом поведении, должна поощрять все, что способствует удовлетворению человеческих потребностей и запрещать все, что им противоречит. Г.Спенсер считал, что все этические системы, которые ставят главной целью добро, право, обязанность оказываются дополнительными к тем, которые ставят главными целями благоденствие, удовольствие и счастье. В итоге, он пришёл к выводу, что конечная цель любой этической системы – это счастье людей. (Спенсер 1898: 343).

Именно вокруг этих положений в России XIX века развернулась острая полемика.

Соколова и Линицкий не приняли подобные положения Спенсера и выступили с жёсткой критикой, где обвинили Спенсера в преследовании грубых компромиссов между объективной наукой, которая только входила в моду того времени, и религией. В этом компромиссе реальное значение придавалось лишь одним низким желаниям, требования более высокого порядка использовались, чтобы придать первым смягченную форму. «Спенсер постоянно говорил о компромиссах, но, в сущности, он ничего нового не сказал, не новую систему нравственности он открыл, а безнравственность он противопоставил нравственности религиозной» (Линицкий 1881: 154). Теория счастья Спенсера самоубийственна, так как никто не может предвидеть и рассчитать каждый раз приятность или неприятность поступка со всеми его последствиями. «Счастье есть понятие чисто индивидуальное и как таковое ничего определенного в себе не включает. Не может быть определенного образа действий для достижения счастья, так как оно само по себе неопределенно» (Соколова 1905: 15).

В. Беккер пытался развить идеи Спенсера, он считал необходимо найти закон достижения счастья людей. Личная жизнь людей складывалась из физиологических и биологических процессов зарождения и удовлетворения потребностей; социальная жизнь также складывается из появления и удовлетворения социальных потребностей. Необходимо установить закон, по которому выделяется и устанавливается строй, с помощью которого люди самоприспосабливаются к удовлетворению совместных потребностей и получают от этого удовольствие (Беккер 1912: 13).

В «Основаниях этики», Спенсер четко определил, что процессы, формирующие человека в соответствии с потребностями жизни, делают их выполнение источником удовольствия, а естественный ход вещей, который идёт к системе наибольшего производства, упраздняет желания, которые невозможно удовлетворить. Таким образом, путем приспособления получается счастье.

Д.Львов попытался объективно рассмотреть эти две категории. Если жизнь в вечном потоке эволюции есть постоянный процесс приспособления, который сопровождается чувством удовольствия, то с другой стороны, приспособиться к чему-нибудь можно тогда, когда ощущается в этом потребность удовлетворения, которая в свою очередь, возникает из-за расстройства равновесия. Восстановление равновесия будет сказываться, как страдания, следовательно, в самом процессе развития даны два необходимые и параллельные состояния: удовольствия и страдания. Они же являются результатом процесса развития, но в то же время служат его стимулами (Львов 1890: 42).

Из этого можно сделать утверждение, что пока существует мир, будут существовать удовольствие и страдание, приятное и неприятное, счастье и несчастье. Соглашаясь с тем, что удовольствие, по своей сущности, есть нечто неопределенное, он пришел к выводу, что худшее средство для достижения счастья, есть поиск этого счастья. «Если каждый человек понимает свое счастье по-своему, то, как же он будет понимать счастье других людей и счастье всего

человечества? Если он не знает где и как найти свое счастье, каким образом он будет искать его другим людям и вообще всем? Следовательно, чем искреннее и решительнее будет действовать искатель общего счастья, тем положение дел будет рискованнее и опаснее» (Львов 1890: 35).

Соколова рассматривала счастье, как временное состояние сознания, которое не должно быть целью человеческой деятельности. Счастье нельзя считать за критерий совершенства, определенное совершенство человека не гарантировало ему особое счастье и удачу в жизни, часто даже наоборот, идеи торжествовали, а создавшие их, люди, умирали. Критерием совершенства могла быть только степень приближения к идеалу, который ей предполагался один – это Бог. Сопровождается ли это приближение к идеалу счастьем или бедствием – не имело значения, так как другого пути нет. В итоге, с точки зрения Спенсера, осталось неизвестным, что такое счастье, справедливость и откуда возникают нравственные чувства (Соколова 1905: 71).

Как можно видеть из приведённых выше мнений, для российских социологов XIX столетия эффект страдания был наиболее важен, чем принцип счастья, страдания не во имя себя, а во имя других. Здесь наблюдался тот случай, когда человечество бросалось из крайности в крайность; русские социологи в одну – страдание и самоотречение, а американцы и европейцы в другую – удовольствие и наслаждение. Как показала практика идеалы западного общества оказались более применимы в реальной жизни, чем идеалы дореволюционного русского общества, но тем не менее и эти идеалы не являются высшей ценностью в современном понимании проблематики «счастья». Собственное страдание даже во имя других не принесло счастья, ни отдельному человеку, ни обществу в целом, западные общества более успешны, но внутренние психологические противоречия всё ещё остаются у граждан этого общества. В целом сам вопрос о природе «счастья» до сих пор не раскрыт, и оно понимается каждым по своему или не понимается вообще.

Литература:

1. Спенсер Г. Научные основания нравственности. СПб.: И. Иванов и И. Перевозников, 1896. – 560с.
2. Линицкий П.И., Религия и нравственность. Данные науки о нравственности Г.Спенсера // Труды Киевской Духовной Академии, тип. Г.Т.Корчак – Новицкого, 1881, №10.
3. Соколова С. Критика этики Г.Спенсера СПб., 1905. -116с.
4. Бекер В. Закон соучастия и его элементы. Рига, тип. М.Я. Падзевича, 1912.–31с.
5. Львов Д.П. Принципы этики. М.: Универ. Тип., 1890. - 130с.

Религиозно-традиционалистские основания социальных идей русских консерваторов XIX – начала XX вв.

Тюренков Михаил Анатольевич
соискатель

Русский консерватизм XIX столетия был в значительной степени новым направлением в отечественной социально-политической мысли. Тем не менее, основы его теоретической базы уходят корнями в русское средневековье. Так, если вплоть до XVIII в. основные консервативные постулаты органично вписывались в жизнь феодального государства, то с началом петровских преобразований, объективных социально-экономических изменений и последовавшим за ними распространением в России идей Просвещения принципы консерватизма перестали быть безусловными ценностями. В связи с этим закономерно, как реакция на вышеуказанные процессы, в русском обществе зародилась политическая сила, отстаивающая традиционные основы его жизни. Этой силой стал русский политический консерватизм XIX столетия, который, оставаясь явлением достаточно неоднородным, имел систему принципов консервативного типа социального и политического мышления. К таковым относятся: следование традиции, антирационализм и антииндивидуализм, культ религии и Церкви, культ патриотизма, государственного порядка, отрицание революций, принцип осторожности перемен, необходимость социальной иерархии.

На наш взгляд, нельзя однозначно утверждать безусловную реакционность консервативных идей того периода, так как, отстаивая традиционные бытовые и духовно-нравственные ценности, русские мыслители-консерваторы XIX века (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, М.Н. Катков, К.П. Победоносцев и др.) никогда не настаивали на сохранении крепостного права и других пережитков феодализма. Оставаясь сторонниками православного самодержавия и будучи в различной степени антизападниками, теоретики русского консерватизма выступали за умеренные, адаптированные к отечественным реалиям, изменения во всех областях общественной жизни (вплоть до консервативного реформирования Церкви), однако редко предлагали конкретную программу действий. Несмотря на это, актуальность вопросов, поставленных мыслителями-консерваторами XIX столетия, и сегодня не вызывает сомнения. Большинство проблем, представленных в трудах последних, до сих пор не разрешены, а потому и для современных отечественных условий некоторые идеи консерваторов указанного периода во многом звучат более чем своевременно.

В начале XX столетия четко выделились два направления в русской консервативной мысли: правое и либеральное. Первое из них, наиболее ярко представленное в трудах Л.А. Тихомирова и практической деятельности монархических союзов и организаций, в итоге было в значительной степени маргинализировано. Второе (либеральный консерватизм) не получило должного внимания и понимания со стороны интеллигенции, к которой было обращено. Вершиной данного направления в русском консерватизме стало веховство, связанное с именами таких мыслителей, как: П.Б. Струве, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, П.И. Новгородцев и некоторых других деятелей. На наш взгляд, можно согласиться с М.А. Колеровым, утверждавшим что «веховству было отведено своего рода итоговое положение в затянувшемся споре консерваторов с либералами». Однако хотелось бы добавить: споре, в котором победу одержали радикалы.

Русские консерваторы нередко игнорировали объективно сложившиеся общественные изменения, идеализируя социальную структуру современного им российского общества. При этом консерваторы, на наш взгляд, совершенно справедливо отстаивали необходимость сохранения уважения к традициям, духовно-нравственных основ русского общества, патриотического воспитания. Одной из органических черт русского консерватизма является его православность, в связи с чем в большинстве теоретических построений его идеологов можно отметить такие принципы, как: главенство внутреннего социального содержания над формой политического строя, религиозное понимание сущности монархии, эсхатологическое отношение к истории.

Безусловно, сегодня сложно найти в русском консерватизме XIX – начала XX вв. четкую социально-экономическую парадигму для современной России, однако нельзя не признать весомый вклад русских мыслителей-консерваторов, сделанный в формирование отечественной национально-государственной идеи, оформление которой еще предстоит.

Литература

1. Вайшвила Альфонсас, Левченков А.И., Литвинов А. Н., Тюренков М.А. Личность и правовое регулирование: творческие поиски раскрепощенного сознания (философия права на постсоветском пространстве). Луганск, 2006.
2. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001.
4. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. – М., 1999.
5. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. - М., 2001.
6. Колеров М.А. Не мир, но меч. – СПб., 1996.
7. Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: Сборник научных трудов. Вып.1 / Под ред. А.Ю. Минакова. – Воронеж, 2001.
8. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.